

Об искусстве хорошо умирать^{*)}

*Во всех делах твоих помни о конце твоём,
и вовек не согрешишь (Сир. 7, 39)*

Нетрудное дело, возлюбленные о Христе Иисусе, доказать человеку, что ему предстоит умереть, потому что, помимо всего прочего, самый ежедневный опыт это показывает. Но весьма трудно склонить человека к мысли о смерти, так чтобы он утвердился в постоянном памятовании ее. И причина сего в том, что всякое побуждение бывает следствием известного сознания, хотя, впрочем, не всегда это, собственно говоря, и сознание, а скорее — инстинкт, который следует внутренним законам природы. Так, например, то, что камень имеет свойство падать в центр, не является следствием его знания, — потому что он не обладает каким-либо умом, — а происходит по законам природы. И как обстоит дело в отношении всех иных вещей в природе, как относительно знания, так и относительно инстинкта, мы сейчас не будем говорить, потому что это не входит в наше задание; но скажем только, что либо животный инстинкт, либо разумное побуждение вызывается либо чувственным началом, либо следуют разумному сознанию, присущему животному или человеку.

Случается же, что способность познания представляет нашему вождению какую-нибудь вещь в виде такого наслаждения, что наше вождение с большей страстностью следует за ней, и иногда до такой степени становится плененным ею, что всецело держится только ее и не умеет каким-либо образом отвлечься от нее. Для примера: некто увидел где-

---

^{*)} Впервые опубликовано: «Вестник РХД». Париж, 1981. III-IV (№ 135). Перевод и комментарий архимандрита Амвросия (Погодина) по: Predica dell'Arte del ben morire. Т. 6. Р. 362-397. Встречающиеся латинские фразы передаются также в русском переводе. Эта проповедь была произнесена в день поминовения всех усопших верных (2 ноября) 1496 г.

нибудь женщину, и когда начал думать о ней, желание быть близким к ней до такой степени овладевает им, что делает его как бы неподвижным в этом состоянии, вследствие чего все его мысли и все его помыслы затем становятся направленными к этой цели. Это же случается и когда кто сильно возлюбит Бога от сознания того, как много имеет от Него; тогда любовь до такой степени завладевает им, что всего его влечет к Богу; и все его мысли устремляются к Нему, и вся забота состоит в том, чтобы только лишь угодить своему Творцу.

Кстати, я сказал, что приключается, что как инстинктивное, так и разумное побуждение бывают следствием личного осознания чего-либо; тем не менее, затем, когда явится горячее желание, тогда это первичное осознание, ставшее началом в нем любви, укрепляется и отстраняет все прочие мысли и рассуждения и приводит к тому, что человек как бы уже бывает не способен думать о чем-либо другом, как только о предмете своей любви. Поскольку же желание жить и инстинкт существования — совершенно естественны и жизнь для человека более любезна, чем что-либо иное, то поэтому инстинкт существования до такой степени владеет человеком, что делает его весьма утвержденным в заботе о жизни; так что все его мысли и, можно сказать, все его действия руководятся этой жаждой жить и все делать для того, чтобы сохранить себя. И поэтому, как влюбленный не мыслит иметь желания быть вне предмета своей любви, и даже если и пожелает, это ему бывает очень трудно, так и всякому человеку тяжело отойти от мысли и от заботы о своей жизни и подумать о смерти. И, как говорит изречение, «противоположные друг в отношении друга вещи вызывают и противоположные друг в отношении друга чувства», — так и здесь: насколько человек страстно любит жизнь, настолько страстно он ненавидит смерть и всячески, насколько может, бежит от нее как от чего-то противоположного этому существованию и этой жизни. Поэтому он бежит и от мысли о смерти как от вещи противоположной (заботе о жизни), как от вещи, которую он до такой степени не любит, что даже мысль о ней ненавистна ему. Поэтому очень нелегко отвлечь человека от этого состояния и склонить его к тому, чтобы он подумал о смерти, и сделать его выше этой совершенно естественной мысли о жизни и инстинкта существования, который ему весьма угоден; в то время как мысль о смерти весьма ненавистна.

И насколько человек весьма легко отдается мысли о жизни, настолько тяжело ему принудить себя к памяти о смерти; потому что, как мы сказали, «противоположные друг в отношении друга вещи вызывают и противоположные друг в отношении друга чувства». Эта трудность того, чтобы человек подумал о смерти, создается еще и нашими чувствами к окружающим нас вещам, к которым мы весьма привязаны; а то, что осознается при помощи органов чувств, не приводит человека к тому, чтобы он отдавал свои мысли чему-либо иному, как только тем вещам,

которые здесь, налицо и которые приятны. Еще это вызывается и озабоченностью и попечением о житейских делах, которыми люди, пока живы, весьма заняты, так что просто они и не в силах подумать о смерти.

Итак, сегодня утром, желая говорить об искусстве хорошо умирать и, как я вам вчера сказал, дав вам немного сухой пищи, мы не хотим вас отягощать доказательствами того, что человеку предстоит умереть; потому что это было бы излишне и ты скажешь: «Отче, это — потерянное время: мы знаем, что мы имеем умереть». Поэтому я хочу оставить это в стороне и направлю свои усилия на то, чтобы убедить человека закрепить в своем уме мысль, что ему предстоит умереть; и покажем, что, памятуя о смерти, человек получает от этого большую пользу, и, конечно, если память смертная будет постоянно жить в нем, ему будет от этого большое благо. Памятование смерти имели все святые мужи в древности, и это приводило к тому, что они жили в большой духовной строгости к себе, и вот, теперь они пребывают в раю и блаженстве. Так что человеку весьма полезно памятование смерти; потому что, по христианскому верованию, ни начало, ни середина не приносят пользы, если при этом не будет подобающего завершения. Так что нужно всегда заботиться о том, чтобы сделать это завершение хорошо, а для этого надо всегда памятовать о смерти. И поэтому Премудрый, предначиная нашу тему, говорит в своей книге: *«Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь»* (Сир. 7, 39); то есть во всех твоих поступках, о человек, помни о конце твоём. Помни, человек, что тебе предстоит умереть; и когда ты утвердишься в памяти этого, ты вовек не согрешишь, то есть не сделаешь никакого греха.

Итак, возлюбленные, будем говорить о смерти и дадим каждому врачебное указание, как подобает хорошо умирать. И сначала поведем разговор о таком человеке, который в настоящее время находится в добром здравии, и научим его, как ему подобает мудрствовать и отдавать себе отчет в том, что в любой момент он может разболеться и умереть. Затем будем говорить о таком человеке, который уже начал болеть, и научим его, как ему подобает памятовать о смерти. В-третьих, скажем о таком человеке, который тяжело болен и пригвожден к постели и как бы уже находится при последнем издыхании; скажем, что даже и он должен делать. Итак, да дарует Бог нам благодать сказать о смерти так, чтобы память о ней хорошо запечатлелась в вашем уме и чтобы вы приобрели плод от этой проповеди.

Если бы я сказал вам, люди, что я хочу доказать вам на основании доводов авторитета и примера, что человеку надлежит умереть, ты сказал бы на это, что это совершенно неразумно. Для меня же кажется еще более неразумным тот факт, что человек, и сознавая, что ему надлежит умереть, совершенно не желает думать о смерти; но все его заботы как бы говорят о том, будто он думает, что будет жить здесь всегда и созидать

прекрасные дома и собирать много вещей и обогащаться. Из этого видно, что все мысли человека — в этом; и не представляется, чтобы он думал о смерти и об иной жизни, как будто бы ее вообще и нет. О, как это безрассудно — не думать вообще ни о чем, как только о здешних вещах! Ты не предвидишь, что во всяком случае тебе придется умереть и оставить здесь решительно все. Скажу: хочешь ли ты этого или нет, но ты не знаешь ни часа, ни каким образом, когда и как ты имеешь умереть. Соломон говорит в Притчах, в 30-й главе, что некоторые животные мудрее человека: *«Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: муравьи, народ несильный, но летом заготавливают пищу себе; — то есть заготавливают себе пищу на зиму; горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале; потому что тогда их гнездо в большей безопасности; у саранчи нет царя, но выступают все они стройно; — саранча, то есть кузнечик, у которого нет никакого царя, но, совершая скачки, он все время подвигается вперед в полном порядке, полк за полком; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах»* (ст. 24-28), то есть паук, который идет ножками по земле, а между тем всегда обитает во дворце Царя. Вот, эти четверо животных, говорит Соломон, мудрее мудрецов.

Тот может называться мудрым, кто свои дела устраивает, имея в виду конечную цель. Например, конечной целью строителя является законченная форма дома, и поэтому все дело строительства он направляет к этой цели. Целью командующего армией является победа, и весь поход он направляет к этой цели; и так обстоит дело в отношении целей и иных отдельных вещей. Но философы говорят, что люди, которые ведут свои дела к определенной цели, могут называться мудрыми в своей отрасли, но немудрыми в общем смысле слова; то есть могут называться сведущими в каком-то определенном деле, но не абсолютно мудрыми. Но тот может называться абсолютно мудрым, кто имеет в виду завершительную цель человека и человеческой жизни и хорошо ведет все дела и всю свою жизнь для этой цели. Завершительной целью человека является Бог, и тот, кто хорошо имеет в виду эту цель, тот истинно мудр.

Но мудрецы века сего, которые не принимают во внимание добрым образом эту завершительную цель человеческой жизни, не могут именоваться истинно мудрыми. Ты найдешь, что, во-первых, муравьи умнее их, муравьи, которые, как говорит Соломон, — слабый народ. «Муравьи» для меня обозначают добрых простых женщин,^[1] которые слабого и немощного пола, но благочестивы и управляют всю свою жизнь по Богу и ищут, всегда собирая, вместе с добрыми делами, награды у Бога, чтобы радоваться затем в иной жизни. Эти маленькие женщины, таким образом, обозначенные под видом «муравьев», мудрее мудрых торговцев, которые, объезжая, проходят всю землю и все море для того, чтобы собрать

^[1] Муравей, по-итальянски *la formika*, является существительным женского рода, поэтому Савонарола сравнивает его с маленькими женщинами, обычно одетыми в черное, которые спешат в церковь.

себе богатство, которое знают, что так или иначе имеют утратить, то есть оставить здесь. А простые маленькие женщины, у которых вся душа устремлена к Богу, собирают здесь (в этой жизни) сокровище, которым имеют возобладать в раю, где они никогда не лишатся его.

И горная мышь также мудрее, чем мудрецы. Она напоминает мне неких добрых мужчин,^[2] совершенно простодушных, всецело отдавших себя Богу, которые всегда помнят о смерти и делают свою постель в камне, то есть имеют свое место и свой конец и свой покой во Христе: «Камень же был Христос» (1 Кор. 10, 4). Они всегда помышляют о том, что им предстоит умереть, и поэтому они утверждены во Христе, и после смерти они принадлежат к спасенным. Эти полевые мыши более мудры, чем принцы и великие господа (*gran maestri*) и прелаты, которые не поместили своего гнезда на камне, но истомляются для того, чтобы удерживать свое положение, которое так или иначе имеют утратить.

Саранча, то есть полевой кузнечик, также мудрее этих мудрецов. «Кузнечики» для меня обозначают неких хороших простых крестьян, которые довольны своим малым и похожи на кузнечиков, у которых нет царя; так и эти добрые крестьяне не имеют того, кто правит ими или кто их наставляет; не слышат столько проповедей, не имеют столько законов, ни таких знаний, как мы имеем, но имеют раз и навсегда устроенный образ жизни и управляемый в Боге, и в простоте сердца они соблюдают заповеди Божии, хотя и не имеют столько знаний, и идут в строгом порядке, как бы взлетая^[3] и поднимаясь над землей, насколько это в их силах, и стоят объединенные в любви, всегда памятуя о смерти. Они мудрее, чем ученые философы, юристы, ораторы и поэты, которые тратят время на обдумывание своих аргументов и тонкостей речи и софизмов, а не думают о Боге, ни о смерти.

Паук, то есть тарантул, также, как говорит Соломон, мудрее премудрых, который, говорит он, цепляется лапками за землю, а обитает в царских чертогах. Этот «паук» для меня обозначает некоторых людей с малым образованием, которые не имеют талантов, но имеют добрые дела: они не умеют теоретически рассуждать, но умеют хорошо поступать; и поэтому он говорит, что они цепляются лапками, как бы этим говоря: не летит, но цепляется лапками и тем не менее восходит наверх; и таким образом, делая очень много добра, они часто достигают высокого состояния души, а оттуда бывают причастны известной простой доброте, которая имеет большую стоимость, чем ничего не стоящая мудрость оных мудрецов. Таковые, говорит он, обитают в царском дворце, то есть в силу своей простоты обитают с блаженными, которые все являются царями и которые живут с Первым Царем, то есть с Богом.

Итак, заметь ты, хотящий хорошо жить: научись мудрости от муравья,

^[2] Полевая мышь, по-итальянски *el lepuscolo*, существительное мужского рода.

^[3] Подпрыгивая, как кузнечик.

от полевой мыши, от кузнечика и от паука и помышляй о смерти и о том, что тебя ждет загробная жизнь. И если ты пожелаешь научиться от них, ты будешь хорошо жить и будешь более мудрым, чем оные немудрые мудрецы. Но разреши мне немного передохнуть, и я покажу тебе, что истинная мудрость заключается в памятовании о смерти.

Блаженный Иероним говорит, что у Платона было в употреблении такое изречение: «*Vera philosophia est meditatio mortis*», то есть «истинная философия состоит в том, чтобы помышлять о смерти». Под философией он имел в виду любовь к мудрости. Истинная же мудрость состоит в том, чтобы памятовать о смерти; и тот может назваться истинно мудрым человеком, кто всегда думает о том, что ему предстоит умереть и что цель человеческой жизни — не здесь. И поэтому так ведет свои дела, будто всегда ожидает прихода смерти, и всегда готов хорошо умереть, для того чтобы прийти к одной крайней Цели, будучи управлен к ней Богом. Таким образом, это изречение Платона, то есть что истинная философия и истинная мудрость состоит в том, чтобы памятовать о смерти, было сказано хорошо. Но мы, христиане, понимаем это изречение лучше, чем он.

Подвисься немного вперед. Ты иногда сомневаешься в делах веры. Если ты будешь часто думать и размышлять наедине с собою о смерти, ты не будешь иметь сомнений в вере, но еще и утвердишься в ней. Возьми это за первое правило. Привыкни иногда думать наедине с собою о смерти и скажи: так или иначе мне предстоит умереть; и посмотри иногда на твою плоть и твои руки и скажи: эти руки и эта плоть должны будут обратиться в прах и пепел; скоро все станет гноем. Кто этот мертвец? Тот был гран маэстро, тот был молодой, тот был богатый, тот был красивый, тот был сильный. Не так давно они были живы, а сейчас — мертвые: все гной и пепел.

Может быть, скоро умру и я, и в едином дуновении минует все относящееся к этой жизни. Затем подумай с еще большей душой и войди немного глубже в эту мысль о смерти, и скажи: «Что нас ждет после смерти? Куда уходит человек после того, как умрет? Он не знает этого. А нам что сказать о его судьбе? Человек ведь самая благородная тварь, какая только видится на земле. В чем же заключается конечная цель человека?» «В созерцании Бога», — сказали философы. И поэтому продолжай размышлять и скажи затем: «Если созерцание Бога является конечной целью, пределом человека, то предел всему — там, где полное удовлетворение и полный покой». Мы не видим, чтобы в этом мире человек не беспокоился; напротив, он всегда томится различными страстями и беспокойствами. Поэтому не представляется, чтобы здесь (в этой жизни) был бы предел человека. Так помышлял Аристотель и весьма томился, ища ответа на этот вопрос, потому что он не понимал: в этой ли жизни, или же только в потусторонней созерцание Бога достигается как предел и конечная цель человека?

И поэтому ты, христианин, если желаешь найти ответ на этот вопрос, скажи так: «Бог управляет миром и промышляет о нем и о всякой малой вещи, и поэтому промышляет о человеке еще больше, чем о какой-либо иной вещи в мире, потому что человек более благородное творение; и если дело обстоит так, то, поскольку Бог справедлив, Он имеет воздать добром тем, кто — добрые». Но мы видим, что добрые в этом мире всегда бывают притесняемы и всегда терпят огорчения: следовательно, не здесь предел человека; и посему признай, что Бог, как праведный и мудрый Промыслитель, уготовал иную жизнь, потустороннюю жизнь. Но кому будет дан оный потусторонний покой? Конечно, ты скажешь, — добрым. Но в том-то и все дело, что в мире нет лучшего человека, чем тот, кто есть истинный христианин, потому что христианский образ жизни — это самый лучший образ жизни, какой только можно себе представить. Следовательно, ты скажешь, истинный христианин, который держится нашей веры, возобладает оной блаженной потусторонней жизнью, которая уготована Богом для Его возлюбленных; и размышляя о сем, ты уверишься, что, эта вера истинная, потому, что если наша вера не была бы истинной, не следует ли, что не может быть истинной и никакая иная вера, и тогда человек — самое несчастное существо, какое только может быть; и поэтому, поскольку есть истинная вера, то ты подумай о том, что есть и ад и рай; и что если ты пойдешь в ад, то там ты останешься не на сотню лет, не на тысячу, не на сто тысяч, не на сто миллионов, но — навсегда и в бесконечность.

Философ не имел уверенности в том, что существует ад и что дурные люди идут туда; и все же он правильно сказал: «Смерть — страшная вещь по самой своей природе, потому что она представляет собою конец нашей жизни, которая до такой степени любима нами; но еще хуже то, что человек не знает, будет ли ему после смерти хорошо или плохо». Но мы, просвещенные светом веры, знаем и уверены в том, что, если человек умирает без благодати Божией, он сразу же идет в ад. Ты можешь умереть сегодня, и ты не знаешь: находишься ли ты в благодати Божией или же нет — «потому что никто не знает: достоин ли он любви или ненависти». Поэтому, человек, памятуя о смерти и хорошо устрой свою жизнь, и постарайся быть в благодати Божией, чтобы тебе не приключилось потерпеть неудачу в этом «ходе».

О, человек, диавол всю жизнь играет с тобою в шахматы и ждет прихода смерти, чтобы дать тебе мат; и поэтому будь готов. Хорошо обдумай этот ход, потому что если ты выиграешь этот ход, ты выиграл все, но если ты его потеряешь, то ты ничего не достиг. Выиграть этот ход означает выиграть битву за жизнь. Поэтому будь настороже от угрожающего тебе мата; всегда помышляй о смерти, потому что, если ты не найдешь себя хорошо подготовленным для этого хода, ты потеряешь все, чего ты только достиг в этой жизни. И поэтому обрати внимание: какую боль-

шую озабоченность тебе долженствует иметь в отношении этого хода, чтобы выиграть его. Теперь дай мне передохнуть.

О, какое великое безумие — не помышлять о смерти и не говорить себе: «Если я не выиграю этого хода, я ничего не достиг в моей жизни; я потерял все». О, торговец, если бы тебе было возвешено, что в результате одного хода ты можешь понести потерю всего твоего имущества, ты никогда не пребывал бы в покое, ни днем, ни ночью, но перевернул бы весь мир, чтобы предпринять меры в отношении этого хода. И поэтому, человек, помышляй о смерти и о том, куда уходит душа, которая более ценна, чем весь этот мир.

Вспоминаю, вот, что однажды, произнося тебе подобную же проповедь, я посоветовал тебе — из желания, чтобы ты достойным образом подготовлял себя к смерти, — заказать изобразить для себя три картины. На первой картине, которую бы ты заказал, был бы изображен наверху рай, а под ним — ад; и эту картину я посоветовал, чтобы ты повесил у себя в комнате, в месте, удобном для глаз; и при этом взял бы за обыкновение не просто смотреть на нее, но и прочувствовать ее содержание. И советовал тебе всегда иметь ее в памяти и говорить: «Может быть, сегодня я умру». И очень хорошо изучить это изображение и отдать себе отчет, что смерть всегда наготове встретить тебя, дабы похитить тебя из этой жизни, как бы говоря тебе: «Тебе предстоит умереть во всяком случае, и ты не можешь избежать моих рук; смотри, куда ты хочешь идти: вверх — в рай, или же вниз — в ад?». Это памятование смерти имели все святые мужи и святые жены, и во всем, что они делали, все их помыслы всегда обращались к мысли о смерти. Итак, закажи нарисовать эту первую картину, которая принесет тебе большую пользу, потому что будет приводить тебя к мысли о том, что тебе предстоит умереть. Теперь выслушай некоторые врачебные советы и правила, которые я хочу тебе дать, прежде чем мы перейдем к второй картине.

Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь — «помни всегда, что ты имеешь умереть, и ты не совершишь греха». Всякий грех у человека происходит либо от неведения, либо от неразумия; а то, что совершается невольно, — это невольный грех: воля не согрешает, если только не согрешает ум. Ум же грешит или по неведению, или по неразумию. Заблуждение, следовательно, воли приключается тогда, когда и сам ум бывает в заблуждении, поскольку или не сознает, или не отдает себе отчета в том, что он делает. Ты скажешь, однако, что имеются грехи, которые совершены или по злостности, или по слабости, и про них нельзя сказать, что они происходят от неведения или неразумия. А я тебе отвечу на это, что, несмотря на то, что это верно, что некоторые грехи совершаются по злостности и по слабости, однако, знай, что все грехи можно свести к сделанным по неведению или к сделанным по неразумию, поскольку злостность и слабость делают то, что человек или не понимает, что он делает, либо не думает об этом.

Вот, например, случается, что женщины клянутся на веру в истине того, что на самом деле не является истиной. Святой Фома Аквинат говорит, что клятва является смертным грехом, когда человек знает, что он клянется, что нечто является правдой, когда на самом деле это — ложь. «О, — скажет какая-нибудь женщина, — я не знала, что это так», — следовательно, этот грех происходит по неведению. Но тот, кто совершает блуд, зная, что это — грех, грешит не по неведению, а по неразумию, потому что греховное услаждение приводит тогда к тому, что он не думает об этом; потому что если ты твердо отдашь себе отчет в том, что это — нехорошо, то ты и не согрешишь; потому что, как говорит святой Дионисий, «никто, кто проникнет в сущность (отвратительность) греха, не захочет совершить его». И поэтому если ты, когда к тебе придет какое искушение на грех, твердо отдашь себе отчет, что это — грех и что ты поступаешь против заповеди Божией, то ты, конечно, и не согрешишь тогда.¹⁴¹ Это же самое приключится тебе, если ты будешь постоянно памятовать о смерти; этим ты весьма очистишь себя от греха; потому что две вещи приводят человека к деланию всякого добра: любовь и страх, и эти два движущих начала являются учителями всех искусств.

Посмотри на женщину, которая учится ухаживать за своим новорожденным младенцем, которую учит не иное что, как только любовь. Ласточка учится делать гнездо и выводить своих птенцов, движимая только любовью к своим птенцам. Итак, любовь является наставницей, которая учит действиям. Следовательно, если ты возмеешь любовь к Вечной жизни, то ты приложишь усилия приобрести и удержать ее и не будешь грешить.

Второе движущее начало — страх. Посмотри на зайчика: когда его преследует собака, он, убегая, делает зигзаги, чтобы сбить с толку врага, так чтобы собака его не поймала. И этому его научили не иное что, как боязнь и страх перед собакой. Так, если ты будешь помышлять об аде как о твоём враге, ты не будешь грешить так, как теперь гресишь, но научишься бежать от него; и когда к тебе придет искушение сделать зло, скажешь: «Хочу ли я ради небольшого удовольствия, ради немногой чести, ради небольшого имущества, — что все проходящее, — потерять рай где утешение вечное и пойти в ад, где непрестанная скорбь?». Таким образом, тот, кто хорошо утвердился в памятовании смерти, тот будет помышлять и о рае и об аде; и тогда в твоё сердце войдет любовь к Богу и страх, и они тебя приведут к деланию добра и к отвращению от зла. В этом, следовательно, заключается смысл того, что было сказано Премудрым: Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь.

И напротив, нежелание думать о смерти является причиной того, что ты делаешь много грехов. Таким образом, памятование о ней приводит человека к тому, что он не грешит ни по неведению, ни по неразумию,

¹⁴¹ То есть не пойдешь сознательно на грех.

потому что, как мы сказали, память смертная порождает в сердце человека страх и любовь, которые являются наставниками всего. Оттуда человек, когда любит Бога и боится Его, скоро научается пути своему, так чтобы не грешить по неведению. Это производит еще и то, что человек пребывает в постоянной памяти об иной жизни, чем человек хранит себя от греха. И посему, мой сыночек, когда придет к тебе искушение, подумай тогда и скажи: «Если бы я сейчас был при смерти, не пожелал ли бы я, чтобы и я имел за собою совершенными все те добрые дела, которые совершили святые? Конечно, да; и поэтому я не хочу идти на этот грех; но лучше подумаю о том, что мне предстоит смерть и что, если я совершу добрые поступки, я пойду в рай, куда пошли святые; а если буду поступать дурно, пойду в ад, где караются все грешники». Поступай так, мой сыночек, и помышляй о смерти, и ты отгонишь от себя всякое искушение. Ну, дай мне немного передохнуть, и я тебе представлю способ, как мало-помалу тебе надо действовать, чтобы углубиться в памятование смерти, дабы ты бежал от всякого греха.

Хочешь ли ты, сыночек мой, научиться этой истинной мудрости, которую отвергают мудрецы века сего? Проси у Бога просветить тебя и молись, чтобы Он вселил в твой ум Свой свет, так чтобы ты твердо пребывал в памятовании об иной жизни. И заметь, что я тебе сказал, что грех происходит от невежества или от неразумия. Следовательно, такой человек, в котором нет ни неведения, ни неразумия, тот не может и согрешить; но это является свойством только Божиего ума, в котором, по самой его природе, не может произойти ни неведения, ни какого-либо недомыслия; потому что Бог — безграничная и высшая Премудрость. И насколько больше какой ум приближается к Богу и более сближается с Ним, настолько он становится более совершенным и более склонным к тому, чтобы меньше делать ошибок, потому что насколько предмет больше приближается к своей первопричине, настолько становится более совершенным. Поскольку же Бог является Первой Причиной всего, то насколько человек приближается к Богу, настолько он становится лучшим и более совершенным. Святые на небе и Ангелы, следовательно, не могут более согрешать ни по неведению, ни по неразумию, потому что они весьма близки к Богу и утверждены в Его благодати светом славы и весьма подобны Богу. Душа Христова, также и перед тем, как пострадать на Кресте, не могла согрешить ни по неведению, ни по недомыслию, потому что она была соединена с Божественным Существом, Которое всегда созерцала. Пресвятая Дева подобным же образом не могла согрешить, но не по той причине, что Она уже и при этой жизни созерцала Божественное Существо так, как Его видела душа Христа, ни как Его видят ныне святые в своем Небесном Отечестве, но по великому изобилию благодати Святого Духа, Которым Она была исполнена, и поэтому была утверждена таким образом, что не могла согрешить.

Но Апостолы очень могли согрешать простительными (не смертными) грехами, потому что они не обладали такой полнотой благодати Духа Святого и не были так утверждены, как была утверждена Дева. Видишь, что Апостол Павел упрекнул Апостола Петра, когда тот, живя и питаясь с язычниками, ел также и от пищи, которую запрещено есть иудеям, однако пред иудеями иудействовал. На основании сего Апостол Павел сказал ему: «Если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2, 14); и затем прибавляет: Я противостал ему, потому что он подвергнулся нареканию, то есть я упрекнул его, потому что он заслужил нарекание. Так что и Апостолы, при всем великом изобилии благодати Духа Святого, которую они имели, однако могли ошибаться и по необдуманности согрешать в простительных грехах; насколько это более относится ко всем прочим, которые уступают по святости Апостолам. Подумай же, в каком положении находится тот человек, который живет вообще без света благодати Божией и оставлен своей собственной природе. Подумай, как тебе представляется его состояние и может ли он прожить без греха?

Я скажу тебе, что при желании беречься от греха надо иметь благодать Божию; без нее и без света веры невозможно сохранить себя от греха; поэтому тем, которые желают жить хорошей жизнью и сохранять себя от греха, необходимо прежде всего просить у Бога даровать им свет. Поэтому возьми это как первое правило: молись каждый день и проси у Бога, чтобы Он даровал тебе Свой свет, дабы Он просветил тебя творить Его волю и этим светом укрепил в твоём уме памятование о смерти и об иной жизни, то есть о рае и об аде; потому что, скажу тебе, без этого света невозможно жить доброй жизнью. И весьма уместно будет для тебя произносить этот псалом: «Доколе, Господи, будешь забывать меня?» (Пс. 12, 2), то есть обратись к Господу и скажи Ему: «О, Господи, до каких пор Ты не вспомнишь обо мне?». Потому что мы говорим, что Бог нас забыл тогда, когда в нас нет Его света. Итак, читая этот Псалом, в завершение заключи вместе с Давидом: «Просвети очи мои, да не усну я сном смертным; да не скажет враг мой: я одолел его» (Пс. 12, 4-5). О, Господи, даруй мне свет, дабы я не грешил. Так что тебе будет очень полезно часто повторять этот псалом и молить Бога, чтобы Он даровал тебе свет; потому что этот свет есть дар Божий, который Он дарует Своим возлюбленным; проси у Него, чтобы этим светом Он утвердил твой ум в помышлении о смерти. Это — первое правило и первое врачебное предписание, которое хочу тебе дать. Теперь перейдем ко второму.

Второе врачебное предписание заключается в том, чтобы ты сам имел сильное желание устраниваться от греха. Для этого сделай себе пару очков, которые называются «очками смерти», и чрез эти «очки смерти» смотри на все. Об этих «очках» я тебе говорил недавно, и сегодня утром повторим это же самое.

Говорят философы: «*Oporet intelligentem phantasmata speculari*», то есть человеку, который желает вникнуть в понимание предмета, нужно принимать во внимание самые фантазмы; таковыми фантазмами являются «очки ума». Тот, кто читает при помощи очков, имеет перед собой открытую книгу и на носу очки, находящиеся между глазами и книгой, а также имеет свет, в силу которого специи — или же подобия букв — падают на очки и от очков переходят в глаза. Так обстоит дело и в отношении разумевательной силы нашего ума. Сначала ум, который разумеает, который именуется философами «возможный ум», является как бы глазами; и умственная способность, которую философы называют «посредник», является как бы светом; осязаемые вещи являются как бы буквами в книге; фантазмы, которые находятся между осязаемыми вещами и возможным умом (то есть возможной силой разума), являются как бы очками. Таким образом, если бы ты имел красные очки, вся книга тебе представилась бы красной; а если бы зеленые, книга представилась бы зеленой; и таким же образом обстоит дело в отношении иных цветов. Так и наш ум очень часто бывает научаем воображением и чудесным образом движем, потому что для желающего проникнуть в понимание предмета необходимо наблюдать (*speculare*) фантазмы, связанные с этим предметом. Например, ты имеешь при себе очки и хочешь читать: ты подносишь текст к глазам, и глаза передают мозгу содержание текста; однако тебе необходимо смотреть через очки, чтобы различить этот текст. Следовательно, если ты имеешь хорошие очки, твой ум будет всегда хорошо видеть, а также и напротив, плохо будет видеть, если очки у тебя будут плохи.

Возьми пару желтых очков, ты увидишь все желтым; если ты будешь иметь красные очки, ты увидишь все красным. Желтые очки — это фантазмы зависти, или, если хочешь, фантазмы алчности; красные очки — это фантазмы гнева; потому что страстями души внутри формируются фантазмы, соответствующие этим страстям; потому что, как говорится: «*Qualis unusquisque est, talia et sibi videntur*», то есть «как человек настроен, таковыми ему и представляются вещи». Так, «красные очки» обозначают гнев и жажду мести. Возьми, например, человека, который рассержен и полон гнева и ненависти: его «очки» и фантазмы будут соответствовать гневу и ненависти, и он будет готовиться хорошо отмстить, потому что все видит исполненным гнева и ненависти; но отбрось от себя этот гнев и ненависть, и скажи: «Я больше не думаю о мести, потому что я снял с себя дурные очки». И замечь к тому же, что воображение, сильно укрепившееся, гонит человека туда, куда хочет; и если у человека представление настроено в отношении добра, то и приводит его к добру; а если воображение исполнено злобы, то и влечет человека к злу, потому что воображение движет человека даже вопреки его рассудку. Например, если ты идешь по балке, поставленной над землей, и тебе вообразится, что ты упадешь, ты действительно сразу же и упа-

дешь с нее; если тебе представится в уме чувственное впечатление, то вот, ты уже и впадешь сразу же в зло (согрешив в сердце твоём).

Так что, если ты хочешь поступать хорошо и бежать от греха, создай у себя сильное представление о неизбежности смерти. Это тебе и есть те «очки», о которых я тебе говорю: сделай, чтобы смерть постоянно была у тебя пред очами, и во всех делах твоих помни о смерти. И утром, когда ты встанешь, во-первых, перекрестись; а затем надень на себя «очки смерти», то есть скажи: «Помни, человек, что ты — прах и в прах возвратишься». Затем обратись ко Господу и скажи: «О Господи, я оскорбил Тебя и сделал так много грехов, прости меня. Может быть, смерть уже близка от меня: дай мне благодать, чтобы я больше не обижал Тебя». Надень на себя, сыночек мой, эти «очки смерти», и ты увидишь, что они окажут большую пользу твоей жизни.

Ты, имеющий заседать в Совете, когда будешь там, внимай, чтобы правильно решать дела, и надень на себя «очки смерти» и скажи: «Мне надо говорить правду, потому что мне предстоит умереть, и мне придется дать отчет в моих поступках, и мне придется выстрадать наказание, если я не решал дела по совести». Ты, желающий собирать товары и обогащаться и заключать дурные сделки, вспомни о смерти; надень эти «очки смерти» и скажи: «В аду, потом, я не сведу счетов, и там мне не возможет помочь никакая вещь на свете». Ты, гонящийся за желанием почестей и честью, вспомни, что тебе предстоит умереть; надень на себя «очки смерти» и поразмысли о том, что все чести мира, если ты пойдешь в ад, не принесут тебе никакой пользы. Женщина, если тебе придет мысль принарядиться и погнаться за роскошествами, надень на себя «очки смерти» и не пожелай, по причине твоих роскошеств, уйти в вечное осуждение. Юноша, когда ты будешь возбужден к совершению греха, надень на себя «очки смерти»; вспомни, что тебе предстоит умереть, и отдай себя всего служению Христу с чистотою сердца и тела. Священник и монах, когда к тебе придет какое искушение, надень на себя «очки смерти», и ты найдешь, что они будут тебе очень полезны для борьбы со всяким искушением.

Это второе врачевство и второе правило, которое я тебе даю сегодня утром: чтобы ты всегда носил «очки смерти», то есть имел в твоём уме непрестанное памятование о том, что ты можешь в любой час умереть. Эти «очки», сыночек мой, приведут тебя к тому, что ты увидишь краткость этой жизни и до какой степени тебе должно иметь заботу о том, чтобы быть постоянно готовым к смерти. Итак, сделай себе эти «очки», благодаря которым, будучи всегда в этой готовности и принимая на ум, что ты можешь в любой час умереть, ты хорошо устроишь свою жизнь и избежнешь многих грехов. Теперь внимательно слушай: потому что я тебе дам еще одно правило для того, чтобы ты мог лучше пребывать в этом памятовании.

Правило относительно «очков смерти» ты понял; но поскольку очки часто спадают, то нужно, чтобы ты привязал к ним шнурок или какой крючок, чтобы они не спадали. Таким «крючком», при помощи которого ты прикрепил эти «очки», будет тебе какая-нибудь вещь, познаваемая органами чувств, которая тебе будет напоминать о смерти, потому что воображение в уме происходит от ощущения, которое вызывается вещами, познаваемыми чувствами. Отсюда философы говорят: «Воображение (или представление) — это движение, вызванное чувством». Поэтому необходимо выработать в себе твердое обыкновение желать всегда помышлять о смерти; если ты выработаешь в себе этот обычай, то ты крепко удержишь эту мысль. Все святые мужи и святые жены имели это обыкновение и навык памятовать о смерти и в каждом своем деле всегда прибегали к сему.

Когда святые чувствуют себя в почести, они прибегают к «очкам смерти», и говорят: «Я — прах и пепел; мне предстоит смерть» — и не желают останавливаться на мыслях о мирских почестях. Также и когда гонимы и испытывают бедствия, они прибегают к «очкам смерти» и говорят: «Нам предстоит умереть; скоро минует эта буря, и мы пойдем в рай» — и таким способом никогда не допускают, чтобы с них спали «очки смерти». Так чтобы у тебя стало обычаем памятование смерти, то, дабы с твоих глаз не спадали «очки», тебе нужно помочь сему чем-нибудь из того, что познается в этом мире. Так что возьми за правило: почаще смотреть, как хоронят мертвых; почаще ходи на могилы; часто навещай тех, которые при смерти; любимый, если ты знаешь, что кто из твоих родителей, или друг, или иное лицо находится при смерти, сегодня же навести его, а затем пойди на его похороны и хорошо подумай: что такое человек! И посуды: до какой степени человек непрочное существо. И вот, ты весьма сохранишь себя от греха.

И если и ты также весьма непрочен, тебе долженствует заказать изображение смерти, которое находилось бы в твоём доме, и даже подержать в руке кость мертвого человека и часто взирать на нее; и когда ты почувствуешь, что тебя искушает желание почестей, прибегать к мысли о смерти, и говорить: «Я — безумец! Где теперь столько господ и столько великих людей, которые возжелали отдать себя гордыне и приобретению почестей и достоинств? Все они умерли; все они — прах и пепел; все они — гной». Поэтому, отбросив желание почестей, внимай, чтобы жить хорошо, и возмести тем, которых ты обидел. И подобным же образом рассуждай и в отношении искушения алчности, искушения плоти и иных беззаконий. И если ты будешь поступать таким образом, то, конечно, у тебя зародится желание хорошо умереть и ты попросишь совета от опытного человека, и он сразу же скажет тебе так: «Так как тебе неизвестно, когда ты умрешь, то не откладывай более принести покаяние, но пойди быстро и поисповедайся, и скажи: „Хочу поисповедаться сегодня, а не

завтра; потому что, может быть, завтра я могу умереть“». Возьми пример с одного святого, которому помысл сказал: «Завтра ты сделаешь это добро, или завтра ты начнешь»; и он ответил: «Сделаем сегодня, а не завтра, потому что завтра, может быть, мы не будем в живых». Также составь завещание, устрой твои дела и распорядись относительно всего, как если бы ты имел умереть завтра, дабы всегда, когда Господь пожелал тебя, ты мог бы сказать: «Вот я, Господи! Я готов умереть».

Сыночек мой, поступай как курьер, который, заходя в корчму и не снимая ни шпор, ни чего иного, съедает кусок, и представляется, будто он готов тысячу лет провести на лошади, и говорит: «Ну, пора, пора, пойдем!» Так и ты усвой в своих мыслях, что ты не останешься здесь, а должен будешь уйти отсюда и прийти туда и любой час может стать часом твоей смерти. И если наступит война, придет чума или голод — не устрашайся, а скажи: «Так или иначе, но мне предстоит умереть». И если твое воображение тебе говорит, что тяжкое дело — умирать от меча, или от чумы, или от голода, ответь: «Мне предстоит умереть так или иначе от смертельной болезни, какой бы это ни был вид смерти».

Конечно, умереть также и от болезни в боку или от другой болезни означает умереть от смертельной болезни; чрез это зло однажды всем нам приходится пройти. Но заметь слова, сказанные в Псалтири: «*Дорога в очах Господних смерть святых Его*» (Пс. 115, 6); а в другом месте: «*Смерть грешников люта*» (Пс. 33, 32). Так что не имей страха перед видом смерти; но имей страх перед тем, что следует за смертью дурных людей. Приими во внимание, что святые были гонимы, пронзаемы копьями, побиваемы камнями, умерщвляемы различными способами и перенесли столько страдания. А с другой стороны, множество из числа грешников умерли в своих постелях и отправились в дом диавола; а святые ушли в рай. И поэтому приготавливай себя к смерти и не бойся способа смерти, потому что, как говорит блаженный Августин, «не следует полагать, что смерть страшна, если ей предшествовала добрая жизнь; потому что не смерть страшна, а то, что следует за ней», то есть страдания в аду. И поэтому, если наступит война, не бойся, но скажи: «Пусть придет смерть, как ей угодно, потому что я — готов. Потому что не страшна та смерть, которой предшествовала добрая жизнь». И такое размышление является хорошим лекарством против бурь, которые приносят война.

Но против эпидемии, если желаешь хороший врачебный совет, сделай себе близким одного из святых, как бы сдружись с ним, или, конечно, Ангела твоего — и каждый день молись им, и я тебе обещаю, что если ты усвоишь себе одного из святых или Ангела твоего, то, если во время эпидемии ты будешь покинут людьми, ты не будешь покинут ими; но они придут к тебе, даже видимым образом, если ты будешь в нужде, для того чтобы упредить и позаботиться о тебе. Также и во время оскудения, ты,

беднячок, не имеющий чем жить, сделай то, что я тебе говорю: помоги сам себе сначала в том, что в твоих силах — поисповедайся и причастись, и начни хорошо жить; и если ты имеешь какую-нибудь лишнюю вещь, продай ее, чтобы купить необходимое для жизни, и пользуйся этим, пока сможешь, и затем, когда придешь в полное оскудение, не постыдись пойти к твоему другу, твоему соседу, твоему родителю, и скажи: «Мне необходима такая-то вещь, помоги мне». Потому что, если ты не пожелал бы этого сделать, это происходило бы от гордости, и тогда ты не заслужишь того, чтобы Бог тебе помог. Но если ты сделаешь так, как я тебе говорю, и все же будешь стеснен крайней нищетой, сделай то, что я тебе скажу: прибегни к Богу и скажи Ему: «Господи мой, ты сказал: „Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам“ (Мф. 6, 33); я приложил все мое усердие, у меня нет больше средств, у меня не на что более жить; помоги мне, Господи!» Если ты поступишь так, то не сомневайся; веруй, что Бог тебе поможет и всеми способами позаботится о тебе; я тебе говорю: всеми способами — потому что Он сказал и Он не может отречься от того, что Сам сказал.

Это тебе — врачебные средства, которые я желал тебе дать сегодня утром, дабы научить тебя хорошо умирать, и которые все относятся к тебе тогда, когда ты находишься в добром здоровье, но должен думать о том, что в любой час ты можешь разболеться и умереть, потому что памятование о смерти является весьма полезным правилом в духовной жизни. Ну, довольно о том, что относится к первому изображению в книге, которое я посоветовал тебе заказать изобразить. Теперь перейдем к второму изображению.

Второе изображение, о котором я тебе рассказывал недавно, — следующее: закажи изобразить для себя человека, который начал болеть, в то время как смерть стоит за дверью и стучит в нее, желая войти внутрь. Знай, что диавол весьма обеспокоен при этом появлении смерти и, как написано, «строит свои козни». Потому что когда диавол видит, что ты заболел, и не знает, умрешь ли ты от этой болезни или нет, он, чтобы не оказаться неподготовленным, сразу же говорит себе: «Возможно, пришел его час». И строит свои засады, какие только знает, и может произвести, дабы захватить тебя врасплох, и изыскивает все средства, как бы погубить тебя путем твоей неосторожности, точно так, как он погубил самого себя в раю.

Диавол, когда он был создан и увидел себя в раю таким прекрасным, стал наслаждаться любовью к самому себе и сказал: «Как было бы прекрасно, если бы я мог не нуждаться ни в какой благодати от кого бы то ни было, но обладал бы этой прекрасностью сам по себе: мне тогда не было бы никакого дела до Бога». Он поступил так, как поступают некоторые безумцы, которые говорят: «Мне нет дела до рая; куда было бы мне лучше, если бы Бог оставил меня навсегда жить в этом мире».

И таким образом диавол, оттого что не принял во внимание то, что ему надлежало бы весьма хорошо иметь в мыслях, сам обманулся. Подобным же образом он сделал и то, чтобы по недомыслию согрешила и госпожа Ева, которая не обдумала хорошо значение того, что ей было перед этим сказано Богом. Она согрешила не по неведению, потому что была создана по природе мудрой. Но диавол поймал ее чрез недомыслие и начал ей говорить: «Почему Бог заповедал, чтобы вы не вкушали от этого дерева?» Он как бы сказал этим: «Конечно, представляется чем-то унижающим, что вы, будучи как будто бы благородным творением и поставленные выше всякой иной плотской твари, однако не имеете права вкушать от любого дерева, какое только вам угодно». И таким образом он искусил ее чувством не чревоугодия, а гордыни. И таким образом потихоньку привел ее к мысли, что тот факт, что они не смеют вкушать от этого дерева, представился ей унижением, и мало-помалу вошла в ее сердце гордыня, которая, как только овладела ею, привела ее в состояние расслабления плоти, и вследствие недомыслия она впала в грех и съела яблоко, которое было запрещено Богом им вкушать. Таким образом, диавол, который знает, что вследствие недомыслия он впал в заблуждение и грех, когда увидит, что человек разболелся, говорит сам себе: «Как мы вследствие недомыслия согрешили в раю, мы, которые обладали большим знанием, и как еще вследствие недомыслия впади в грех Адам и Ева, которые обладали большой мудростью и первобытной праведностью, так гораздо легче падет человек, который куда более склонен к недомыслию».

Поэтому первое, что делает диавол, когда видит тебя больным, он ищет поймать тебя путем недомыслия и покушается найти все способы, какие только знает, чтобы отвратить тебя от мысли о смерти. И начинает влагать тебе в мысли все что угодно, кроме смерти: и представляет тебе картины твоего дома, твоей лавки, твоих владений и государственных дел, и говорит: «Когда пройдет эта маленькая горячка, я сделаю и то, и то...» Сыночек мой, будь мудр и прибегни в этот час к Распятию, и начини помышлять о том, что ты можешь умереть от этой малой болезни. И будет весьма кстати в покаянии прочитать оный псалом: *«Господи! не в ярости Твоей обличай меня»* (Пс. 62, 2), чтобы Господь не оставил тебя оказаться побежденным бесовским искушением. Когда бес видит, что он не в состоянии победить тебя путем недомыслия, он ищет победить тебя уверенностью в том, что ты выздоровеешь, и влагает тебе в воображение мысль, что ты лишь немного прихворнул. Вот, сыночек мой, помоги сам себе в этот час и не говори: «Я немножко приболел». Но подумай о том, что ты можешь умереть от этой небольшой болезни, потому что малая болезнь много раз переходила в тяжелую болезнь и смертельная болезнь не всегда приходит сразу, но начинается с легкой и затем ухудшается. Диавол, когда увидит, что ты хочешь подумать о смерти, возбуждает других, чтобы они отвлекали тебя от этой мысли, и влагает в ум твоей жене

или твоим родителям, как и доктору говорить тебе, что ты скоро поправишься и что ты не должен беспокоиться и даже думать о том, что ты можешь от этого умереть. Будь твердым тогда и не допусти убедить себя, но отдай себе отчет в том, что если это болезнь, ведущая к смерти, то никакой доктор не сможет тебя вылечить; и помни всегда, что это все подстрекательства дьявола для того, чтобы отвлечь тебя от мысли о смерти.

Но затем, когда дьявол увидит уже, что ты утвердился в помышлении о смерти и не полагаешься на то, что ты поправишься, но видит, что ты имеешь в мыслях поговеть, он начинает действовать в том смысле, чтобы ты отложил свою исповедь на завтра, и говорит: «Ты сегодня не готов к исповеди; ты не исследовал хорошо свою совесть; ты поисповедуешься завтра». И если ты остановишься на этом предложении поисповедаться на следующий день, дьявол в тот день возбудит помешать твоей исповеди поселян, управляющих магазином, и тысячи дел, и тысячи препятствий. А ты, сыночек мой, вспомни тогда о смерти, и оставь в стороне прочие дела, и скажи: «Это более важное дело, которое я должен сделать. Ведь здесь вопрос спасения души». И не допусти помешать тебе, но поисповедуйся и причастись.

Затем, когда дьявол видит, что ты также и поговел, он силится похитить молитвенное чувство в твоей душе и начинает возбуждать твою жену и родителей и мучить тебя материальными вопросами; один хочет, чтобы ты ему завещал то, а другой — другое; один, чтобы развеселить тебя, расскажет анекдот, а другой — что-нибудь иное; это все — подстрекательства дьявола, чтобы взять от тебя молитвенное настроение души, созданное говением, и оставить тебя в совершенном смятении ума. И поэтому, сыночек мой, усвой в твоём уме: когда ты почувствуешь себя больным, избери для попечения о спасении твоей души какого-нибудь доброго мужчину или женщину, которые духовны, или священника, или мирянина, или монаха, или монахиню, кто бы всегда был близ тебя и напоминал тебе о неминуемости смерти и о том, чтобы ты поисповедался и примирился с Богом; потому что иногда случается, что родители и даже собственные дети — из страха, чтобы ты не оставил твоего имущества другим или не отменил чего-нибудь в завещании, — когда приходит духовник, говорят ему: «Он спит; сейчас не время докучать ему». Так что ты видишь, до какой степени дьявол энергично действует при этом положении. Поэтому всегда помышляй о смерти и, когда почувствуешь себя больным, считай всегда, что пришел твой последний час. Это — второе изображение. Перейдем теперь к третьему.

Если ты поступишь так, как я тебе посоветовал, ты не только спасешься от ада, но спасешься также и от всякого иного страдания после смерти. О, если бы ты только знал, как тяжки эти муки, ты бы предпочел скорее, чтобы на тебя свалились все бедствия войн, голода, эпидемий этой жизни, чем терпеть эти страдания, которые испытываются после

смерти. Необходимо ежедневно проявлять заботу об усопших, потому что они ждут наших молитв, поскольку сами от себя они уже ничего не могут сделать, если им только не помогут молитвы Церкви. Итак, перейдем к последнему изображению и на этом закончим.

Последнее изображение, которое я тебе предложил заказать для себя, должно изображать больного в постели, который дошел до крайнего состояния, чтобы быть в силах каяться. Из числа таковых спасаются только немногие. Для человека, дошедшего до такого состояния, конечно, совершенно возможно спастись, но только знай, что это ему очень тяжело. Но дабы хорошо разъяснить тебе это положение, начнем вот с чего.

Бог побуждает нашу свободную волю к спасению и дал человеку границы до самой смерти для того, чтобы он покаялся и обратился к Богу, и до самых этих границ помогает ему и протягивает ему руку. Но затем, когда он перешел эти границы, Бог более не подымлет его и не пособствует ему. И посему, когда человек умирает в смертном грехе, он уже упорно остается в состоянии этого греха и больше не может вернуться назад, потому что он лишается Божественной помощи, без которой невозможно подняться. Потому что своими силами невозможно подняться от греха. И поэтому, когда люди, жившие без покаяния и исповеди, дошли до сего последнего состояния, им трудно вернуться назад, потому что они приблизились к времени этого состояния окоченелости в грехе, которое бывает после смерти. Поэтому не следует, чтобы человек ждал до этой крайности, потому что мало таких, говорю тебе, мало таких, которые спасаются в таком положении. Следовательно, обрати внимание, сыночек мой, насколько опасно довести себя до такой крайности, вместо того чтобы заранее покаяться.

Следовательно, что задерживает тебя сделать это теперь, когда ты здоров? Сыночек мой, говорю, принеси покаяние сейчас и не допусти себя дойти до такого состояния, потому что тех, кто желает вести дурной образ жизни и (лишь) при смерти покаяться, Бог много раз уже не обращает к Себе; и это — весьма справедливо, поскольку, будучи до такой степени призываемы обратиться к Богу и не желая обратиться, естественно, что и в последний час они также не обращаются к Богу. Отсюда написано в 1-й главе Притчей Соломоновых: *«Премудрость возглашает: Я звала, и вы не послушались; простирала руку Мою, и не было внимающего; вы отвергли все Мои советы, и обличений Моих не приняли: зато и Я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас»* (ст. 24-26). Этим Господь говорит: *«Вы не пожелали обратиться ко Мне, и когда Я призывал вас столько раз, вы пренебрегали, и Я посмеюсь вам в час вашей смерти»*. Так что по той причине, что человек подошел к концу своей жизни и не отозвался на призывы Божии, он заслуживает того, что и Бог удаляет Свою благодать от него; и посему — трудно в таком состоянии спастись.

Другая причина состоит в том, что смертельная болезнь в это время достигает своего предела, и душа с весьма тяжелой болью переживает свое разлучение с телом; и поскольку душа — одна, а вся раздирается на части от этой боли, то едва ли она тогда в силах подумать о своих грехах и прибегнуть к Богу. Еще иная причина заключается в том, что человек, когда чувствует себя тяжело сдавленным смертной болезнью, до такой степени имеет сильное желание выжить, что едва ли думает о чем-либо другом. Еще и то, что, несмотря на то, что если человек в этом состоянии и думает о смерти, в большинстве случаев это вызывается страхом перед адом. а этого недостаточно для спасения, потому что к Богу надо обратиться по чувству любви к Нему, как говорит блаженный Августин.¹¹

Еще и та причина, что жена и родители окружают его и убеждают его, что он не умрет, и предупреждают каждого посетителя: «Не пугайте его; скажите ему, что он выздоровеет; больные не любят, чтобы их обескураживали». И таким образом окружающие его «пускают слова на ветер», и никто не напомнит ему о том, что ему необходимо сделать. А кто-нибудь пытается сделать так, чтобы он говорил, и зовет его и спрашивает: «Узнаешь меня?» И пожимает ему руку, и говорит: «Он меня узнал». А о другом нельзя и сказать, и о том, что было бы спасением для этой души, даже и не вспоминают; и поэтому тяжело в положении такой крайности спастись. Еще и та причина, что диавол при таком состоянии умирающего влагает в его душу чувство отчаяния и внушает ему, что он совершил столько грехов, что не представляется разумным думать, что Бог его спасет, и говорит ему: «Твой язык всегда был готов говорить злое; твои глаза всегда услаждались созерцанием бесчестных вещей, а уши твои наслаждались слушанием злословий и дурных вещей; твой язык всегда был в поисках гурманств, и твое обоняние — подобно сему». И таким образом диавол ему напоминает о всех тех беззакониях, которые он совершил всеми своими чувствами и всеми частями души. И напоминает ему, применимые к этому времени, оные слова, которые сказал Спаситель наш Иисус Христос относительно Страшного суда: *«Будут знàменя в солнце и луне и звездах, и на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и от ожидания бедствий, грядущих на вселенную»* (Лк. 21, 25-26).

Будут знамения осуждения в солнце, то есть в уме, который никогда не думал о чем-либо ином, как только о земных вещах, и в луне, то есть в воле, которая возлюбила более тварь, чем Творца; и в звездах, то есть во внешних и внутренних чувствах, погрязших в материальных вещах; и на земле, то есть в земном сердце; уныние народов, то есть в разных думках, которые в этот момент ведут речь и угнетают больного вместе с болями болезни; и человек изнемогает от страха и ожидания Божиего Суда. С другой стороны, дабы не допустить ему каким-нибудь образом успокоиться, диавол начинает искушать его и относительно самой веры и говорит: «Если я не смогу возобладать тобою этим способом, то я сделаю это

другим». И влагает в твою голову мысль, что вера — неистинна, и говорит: «Что ты думаешь, что такое вера? Умрет тело; умрет и душа». Так что вследствие всех этих причин и по многим еще другим тому, кто дошел до такого состояния, трудное дело — спастись. И посему желательно, для побеждения этих диавольских искушений, чтобы при больном находился человек, который постоянно читал бы Символ веры, как делает наша братия, когда кто из братьев находится при смерти; их всех созывает один из числа братьев, который идет по всему дому, ударяя в било; и как только услышат это ознаменование, они сразу же поднимаются на ноги и начинают произносить: «Верую во единого Бога Отца». И идут к дверям кельи больного, и по дороге все время произносят Символ веры. Так что тяжело человеку, если он не подготовил свою жизнь заранее, быть в таком положении. «Ну, что же, отче, когда человек находится в таком положении, что ему надлежит тогда делать?» Будь внимателен, и я тебе сейчас расскажу это.

Не допусти себя, сыночек мой, дойти до такого состояния. Скажу тебе, душа, если ты допустишь себя дойти до такого положения, боюсь, что мне придется плакать о тебе, как плакал Иисус о граде Иерусалиме, говоря: О, если бы знал и ты, ты бы плакал; то есть если бы и ты знал то зло и те бедствия, которые имеют прийти на тебя, то и ты бы плакал. И что служит к миру твоему, то есть, конечно, ты бы заплакал в оный день, который представляется, что будет для тебя мирным. Но это сокрыто ныне от твоих глаз, то есть теперь ты не плачешь, потому что твои грехи затмили твои глаза. *«Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, за то что ты не узнал времени посещения твоего»* (Лк. 19, 47-44). Так, придут на тебя дни, когда враги твои окружают тебя, то есть бесы сделают вокруг тебя забор и поведут тебя в ад, и приведут тебя, сущего в великой печали и тоске, и ввергнут тебя в адскую глубину вместе со всеми твоими делами. И не оставят в тебе камня на камне, то есть никакое твое доброе дело не будет иметь для тебя никакого значения (в нем не будет никакой ценности для улучшения твоей судьбы). Потому что ты не узнал времени посещения твоего, то есть не хотел слушать, когда Господь призывал тебя.

Душа, не допусти себя дойти до такого положения, но все же, если ты дойдешь до такого состояния, не приходи в отчаяние; возьми следующие врачевства. Во-первых, прибегни к Распятому: воззри на Его доброту, как Он восхотел быть распятым и умереть для того, чтобы спасти тебя. Имей большую уверенность в Нем, что, если ты прибегнешь к Нему с сокрушенным сердцем, Он тебе поможет, хотя бы ты и сделал тысячи грехов. Посмотри, до какой степени благостно Он простил разбойнику, и поэтому не приходи в отчаяние, но имей веру, что Он простит и тебе,

если ты смиренно прибегнешь к Нему, потому что ради тебя Он пролил Кровь Свою. Во-вторых, скорби всем сердцем о твоих грехах и прими решение больше не возвращаться к ним; и если Ему будет угодно, чтобы ты избежал смерти, прими решение желать жить всегда доброй жизнью и не желать оскорблять более твоего Господа. В-третьих, призови хорошего духовника и очень хорошо поисповедайся со всяким прилежанием и причастись. В-четвертых, сделай так, чтобы около тебя всегда был кто-нибудь, кто постоянно пребывал бы в молитве. И вы, которые окружаете больного, когда он при смерти, не болтайте, но все пребывайте в молитве за него, потому что в этот час для него молитвы желанны более, чем что-либо иное, и он имеет нужду в том, чтобы за него молились другие, потому что от себя он только едва в силах молиться. И чтобы влить надежду в сердце того, кто пришел к своему смертному часу, и для того, чтобы показать, до какой степени такому человеку желанны молитвы за него со стороны других людей, послушай, что пишет святой Григорий Двоеслов в своих «Беседах».

Он повествует, что у одного из его монахов был брат по имени Феодор, который был весьма своенравен, и его держали в монастыре из жалости и по любви к его брату, монаху. И несмотря на то, что много раз другие монахи призывали его к порядку, он отнюдь не желал исправиться, а, наоборот, весьма гневался и возмущался, и смеялся над монахами, и говорил, что никогда не пойдет в монахи. И когда в это время пришла эпидемия, Бог и его поразил болезнью. И когда болезнь его тяжело сдавила и, можно сказать, он был при смерти, братия окружила его одр, и все, кто был тут, коленопреклонно горячо возносили к Богу молитвы о нем. Вдруг, он начал кричать: «Уходите, уходите отсюда все!» И когда братия спросила, почему он хочет, чтобы они удалились и что за причина его крика, он ответил: «Разве вы не видите здесь змия, который, можно сказать, поглотил все мое тело? И только еще одна часть моего тела осталась, которую змий не может поглотить вследствие ваших молитв; и это для меня еще большая мука, чем если бы он поглотил меня всего целиком». Тогда братия познала, что это был бес, и сказала брату: «Перекрестись». И он ответил: «Я не могу, потому что этот змий держит мои руки как бы связанными». Видя такое положение, вся братия тогда поверглась на землю на колени и возобновила молитвы еще более горячо, моля Бога освободить его от бесовского насилия. И вдруг он начал говорить: «Благодарение Богу! Благодарение Богу! Я освободился благодаря вашим молитвам; теперь я хочу быть монахом». И после этого прожил доброй жизнью и вскоре умер.

Затем святой Григорий, вне связи с прежним, приводит другой пример, о некоем человеке по имени Хрисавр, который был богат и настолько полон грехов, насколько богатств: надменен, алчен и развратен; и в своей жизни отдавал свою душу только мирским вещам. И наконец, когда он лежал больным в постели и дошел до крайнего состояния, ему яви-

лось множество бесов, которые показывали желание похитить его душу из тела; и он страшно побледнел и начал дрожать и покрываться потом и призывать своего сына Максима, и кричать: «Максим, помоги мне! Защити меня!» На эти крики сбежались Максим и вся семья; когда они собрались у его одра и спросили его, чего он хочет, он отвернул лицо в сторону, чтобы не видеть тех бесов; но они были перед ним; и он отвернулся на другую сторону, но и они перешли на другую сторону, откуда он отвернулся. И поскольку это происходило все время, он начал кричать много раз: «Господи, дай мне времени до завтрашнего утра». И в конце концов он не возмог этого получить, и в таком положении умер.

Святой Григорий представил эти два примера один за другим, которые, он говорит, даны нам для примера, чтобы показать, что мы не должны доводить себя до такого крайнего состояния, чтобы не оказаться в таком положении, в каком оказался последний; а также, если мы действительно дойдем до такого состояния, мы бы возложили надежду на Бога, как сделал это первый. Таким образом, никому не следует никогда доводить себя до такого положения, так чтобы откладывать покаяние до последнего часа своей жизни; но надо быть всегда готовым и часто исповедоваться и причащаться, и быть хорошо очищенным, и в порядке, как если бы человек ежечасно ожидал своей смерти. Потому что человек, который всегда бывает в состоянии готовности и постоянно помнит о том, что ему предстоит умереть, воздерживается от очень многих грехов. Это так, как говорит премудрый Иисус Сирах: «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь». То есть если ты хочешь жить хорошей жизнью, помни всегда во всех твоих делах о смерти, и ты не совершишь греха; и это памятование о смерти будет тебе весьма полезно и принесет величайший плод.

Таким образом, возлюбленные, пусть каждый заботится о том, чтобы хорошо жить, если желает хорошо умереть, и пусть всегда имеет у себя в памяти свой последний, смертный час, дабы, таким образом поступая, нам иметь благодать Божию в этой жизни, а в иной жизни — славу Спасителя нашего Иисуса Христа, распятого и умершего за нас. Которому подобает честь, слава и держава в нескончаемые веки веков. Аминь.

Комментарий:

До Тридентского Собора среди богословов была допустима позиция крайнего контриционизма, требовавшая совершенного (т. е. из любви к Богу) сокрушения (*contritio perfecta*, *contritio*) кающегося для действительности принятия Таинства Покаяния. Савонарола следует тут Петру Ломбардскому, Александру Гэльскому и св. Бонавентуре. После Тридентского Собора и осуждения янсенистов и Байуса все католические богословы считают несовершенное (т. е. из страха пред адскими муками) сокрушение (*contritio imperfecta*, *attritio*) достаточным для действительности исповеди. Но при невозможности исповедоваться священнику Господь снисходит только к имеющим *совершенное* сокрушение. — Прим. адм. сайта <http://crusader.org.ru>